

ИТАЛЬЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СВЯЗЯХ РОССИИ И ИТАЛИИ В XV в.

Круг опубликованных у нас источников по русско-итальянским отношениям хронологически ограничен: как правило, они относятся к XVI и более поздним столетиям, когда связи России с Италией

¹⁸ Этот летописец (написанный, как мы уже отметили, иным почерком, чем текст летописи) не продолжает Холмогорскую летопись, а вновь начинает изложение с 7061 (1553) г., дублируя рассказ о приезде англичан. Мы полагаем поэтому, что он не является органическим завершением Холмогорской летописи, а лишь соединен с нею в сборнике XVII в. (краткий летописец доведен до 1659 г.).

¹⁹ ДРВ, стр. 22, 13; А. А. Т и т о в. Летопись Двинская, стр. 10—11.

стали более широкими и систематическими. Так, в сборнике документов, характеризующем дипломатические связи этих двух стран и вышедшем в 1911 г.,¹ лишь незначительная часть материалов (бумаги папской канцелярии) относится к XIV—XV вв. и охватывает 1361—1496 гг.; остальная масса документов относится к XVI в. (наиболее ранняя дата — 1566 г.). В другом сборнике подобных источников, изданном уже в советское время,² наиболее ранней датой является 1578 г. Возможно, какие-либо источники более раннего периода находятся в составе фонда Е. Ф. Шмурло, недавно переданного нам Чехословакией и хранящегося ныне в Москве.³

Таким состоянием источников в значительной степени можно объяснить крайне незначительное количество трудов, посвященных в русской и советской историографии периоду более раннему: из работ, специально посвященных международным связям России в XV в., можно отметить лишь небольшое исследование Е. Ф. Шмурло,⁴ опубликованное в 1911 г., и монографию К. В. Базилевича, вышедшую в 1952 г.⁵ Отдельные факты из истории этих связей или их общая краткая характеристика встречаются, конечно, во многих работах по истории нашей страны. Не всегда эти характеристики верны: так, например, В. О. Ключевский считал, что до 80-х годов XV в. на Западе «многие даже не подозревали существования Руси Московской».⁶ Это положение еще в 1925 г. было опровергнуто С. Ф. Платоновым,⁷ несмотря на это оно очень долго имело хождение и еще в 1941 г. его повторил С. В. Бахрушин.⁸ Колоритную и убедительную картину оживленных связей с западными странами, в частности с Италией второй половины XV в., рисует в своей книге М. Н. Тихомиров.⁹

Появившиеся за последние годы в Италии новые источники и исследования могут способствовать выяснению и уточнению истории русско-итальянских связей в XV в.

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с папским двором и с итальянскими государствами. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, тт. I—III. СПб., 1911.

² Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, т. I, вып. 1. Л., 1925.

³ Б. Б. Кафенгауз. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России. В сб.: Международные связи России до XVII в., М., 1961.

⁴ Е. Ф. Шмурло. Научный отчет 1907—1908 гг. В книге: Памятники дипломатических сношений. . . , т. III, стр. 22—27.

⁵ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

⁶ В. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. М., 1916, стр. 161.

⁷ С. Ф. Платонов. Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925, стр. 7—8.

⁸ История дипломатии, т. I. М., 1941, стр. 197.

⁹ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 205, 211—214.

Первый документ, имеющий отношение к русско-итальянским связям в XV в., представляет собой описание границ Русского государства, которое опубликовавший его Джино Барбьери относит ко времени около 1450 г.; оно было подготовлено по требованию основателя новой династии Милана кондотьера Франческо Сфорца, который уже успел стать наследственным герцогом Миланским. Энергичный и дальновидный правитель обладал достаточно тонким чутьем для того, чтобы понять значение молодого и крепнущего Русского государства. Интерес к нему со стороны Миланских герцогов объясняется усиленным их вниманием к проблемам Средиземноморья и Восточной Европы, где в этот период расширялась турецкая агрессия. Западные правители надеялись, что Русское государство поможет им остановить или затормозить ее. И если они ошибались в своих расчетах использовать Россию как важную шахматную фигуру на доске своих политических комбинаций, то их оценка серьезной политической роли России на международной арене в XV в. была безошибочной.

Достаточно обратиться к материалам итальянских архивов, чтобы убедиться, насколько турецкая проблема волновала в XV в. умы современников: например, в неизданном списке одной из хроник, хранящемся во Флоренции, описываются битвы с турками, приводятся тексты дипломатической переписки с турецким султаном 1463 г. и т. п.¹⁰

Миланский документ достаточно лаконичен, чтобы мы могли разрешить себе полностью привести его в переводе:

«Вот страны, окружающие Россию (La Rusia): во-первых, к востоку от нее идет Татария (La Tartaria), страна огромнейшая; одну ее часть держит русский король (el Re de Rusia); другую часть — польский король, и остальное держат сами татары. Затем идет Литва, которая граничит с Татарией и с Россией, и владеет ею польский король. Затем идет Пруссия, которая граничит с Литвой, и владеет ею польский король. Затем идет Ливония, которой владеют крестоносцы и которая является их сеньорией. Затем идет Дания, которая простирается к морю».¹¹

В общих чертах верное, это описание дает, однако, возможность предполагать, что оно было составлено не в начале, а в конце правления Франческо Сфорца: об этом говорит сообщение о Пруссии, которой, по словам описания, владеет польский король; Пруссия сделалась польским вассалом с 1466 г.

¹⁰ Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 119, pp. 571 seg. В венецианском архиве хранятся материалы, касающиеся экономических связей Венеции с Таной, наиболее ценными из которых являются донесения консула Леонардо Вольпе 1424 г. и черновые записи нотариуса Николая Варсиса 1435—1436 гг. (Archivio di Stato di Venezia, Senato misti, cas. VIII, 1, f. 14, и др.).

¹¹ Archivio di Stato di Milano, Archivio Sforcesco, P. E. cart. 640; публикацию см.: G. Barbieri. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957, p. 12.

Документы Миланского архива повествуют о первом русском посольстве, о котором нет указаний в русской литературе. Оно было отправлено в Италию в последний год княжения Василия Темного. В качестве посла был направлен один из греков, покинувший свою родину после захвата ее турками и обосновавшийся в Москве. Это был Николай Ралли (Nikolao Ralli), прибывший в Милан весной 1461 г.¹² Он был благосклонно принят Франческо Сфорца, которому он импонировал своими познаниями в области военного искусства. Приезд представителя Русского государства миланский герцог стремился использовать для организации совместных мероприятий, направленных против турецкой экспансии. Эти его стремления, как считает Барбьери, совпадали с задачами русского посла, который был выразителем «инициативы молодой московской нации» в этом вопросе (*iniziativa della giovane nazione moscovita*).¹³ Франческо Сфорца снабдил Николая Ралли рекомендательными письмами к своему представителю в Риме Оттону дель Карретто и другим лицам.¹⁴ О результатах поездки московского представителя в Рим не сохранилось никаких данных.

Опубликованное Барбьери письмо Франческо Сфорца дает любопытнейшую картину русско-итальянских связей.

В 1463 г. из Москвы было направлено послание миланскому герцогу, также неизвестное в нашей литературе. Причиной его явилось подложное письмо, якобы направленное Франческо Сфорца влиятельному в Москве лицу Якову (Jacobo), ведавшему княжеским монетным двором. Это письмо еще в годы княжения Василия Темного привез в Москву некий ломбардец по имени Джованни да Чернуско. В подлинности письма не было причин усомниться, так как связи Москвы с Миланом были уже установлены до приезда Чернуско. Поэтому последний был вскоре представлен великому князю и щедро одарен. Помимо этого ловкий авантюрист получил солидную ссуду в размере 300 золотых дукатов в итальянском исчислении. Все это стало известно миланскому герцогу лишь в январе 1463 г., когда в ответ на мнимое письмо Франческо Сфорца последнему были присланы Яковом как главой монетного двора три изготовленных на нем «золотых флорина», привезенные специально направленным для этого в Италию человеком; правда, вручены герцогу были лишь две золотые монеты, одна была утеряна в пути. Миланская герцогиня также не была забыта; ей тот же посланец привез около 300 жемчужин. Франческо Сфорца ответил на эти дары письмом, в котором благодарил «белого императора» (*Bianco imperatore*), как он называет московского великого князя, и его любезного «министра», которого он именует «достослав-

¹² G. Barbieri. Milano e Mosca..., p. 19.

¹³ Archivio di Stato di Milano, Archivio Sforzesco, Registro Ducale, № 3, ff. 21—22 (2. V. 1461); G. Barbieri. Milano e Mosca..., pp. 19—21.

¹⁴ G. Barbieri. Milano e Mosca..., p. 20.

ным другом нашим» (*magnifico amico nostro*), за прием и помощь, предоставленную Джованни да Чернуско из-за уважения к его (Франческо) имени, однако выражает свое возмущение по отношению к этому ломбардскому авантюристу, который объявил себя в Москве представителем миланского герцога. За это, как писал герцог, Чернуско заслуживал бы смертной казни, но в страхе перед таким финалом он укрылся в одном из картезианских монастырей Папской области. Франческо сообщает, что он отдал распоряжение о возвращении Якову 300 золотых дукатов, которые Чернуско получил, пользуясь его добрым именем, благодарит за дары, присланные ему и герцогине, объявляет Якову о том, что он при случае может рассчитывать на его, Франческо, доброе расположение в миланских землях и просит передать его почтительные поклоны «белому императору», а также сообщает, что он был бы рад получать информацию о всех делах, происходящих в его великом государстве.¹⁵

Итальянские источники дают также интересный материал об участии некоторых итальянских государств XV в. в политической кампании, организованной вокруг Зои Палеолог. Как известно, 21 мая 1472 г. на торжественном приеме послов у Сикста IV, посвященном будущему бракосочетанию Зои Палеолог, были представители Венеции, Милана, Флоренции и герцог Феррарский. Деньги, выделенные на расходы по переезду «королевы русской Зои» из Италии в Россию, хранились в банке Медичи во Флоренции; 4000 дукатов были оттуда получены их высокими римскими вкладчиками. Свадебный кортеж Зои Палеолог проехал через несколько итальянских городов: он побывал в Витербо, Сиене, Флоренции, Болонье и Виченце. Во всех городах этот свадебный кортеж встречали торжественно, однако наиболее пышно он был отмечен в Сиене. 29 июня 1472 г. Совет народа города Сиены постановил «принять достославную госпожу Зою (*illustrissimam dominam Zoe*), племянницу светлейшего греческого императора, в кафедральном соборе» и на ее торжественный прием выделить «сумму в 50 флоринов из расчета 4 ливров в каждом», т. е. 200 лир.¹⁶

К этому же периоду относятся итальянские материалы, касающиеся знаменитого зодчего Родольфо Альберти Фьораванти, известного под именем Аристотеля, который прибыл в Москву весной 1475 г. Фьораванти служил делу русско-итальянских связей не только в области искусства, но по линии непосредственных связей с Италией. Уже в 1476 г. он посылает миланскому герцогу Галеаццо Мариа в качестве своего дара двух кречетов. Их везет в Италию сын архитектора Андреа Фьораванти, который не только выполняет там, при самом энергичном покровительстве герцога,

¹⁵ Там же, стр. 22—26, 82—84.

¹⁶ Archivio di Stato di Siena, Concistoro, № 634, cc. 51—53; G. Barbieri. Milano e Mosca. . ., pp. 27—29, 85—89.

частные поручения отца, но и сообщает миланскому двору интересные сведения о тех сдвигах, которые происходят в России. Понимая, что дар Фьораванти был небезызвестен московскому правителю, Галеаццо Мариа направляет Ивану III дары «в знак любви и расположения» (*in signo de amore et benivolentia*). В конце письма миланский герцог писал, что он надеется сделать Ивану III презенты, как только пути к Москве будут ближе изучены его посланцами, и что он готов за посылку ему охотничьих птиц, которых он просит, оказать содействие людям, направленным московским князем в Италию по любым другим его делам (*alcuno de vostri in Italia per altre vostre faccende*).¹⁷ Своих обещаний ему не суждено было выполнить; через полгода деспотичный миланский правитель был убит республиканскими заговорщиками.

Итальянские источники содержат интересные данные о посольстве в Милан и Венецию в 1486 г. грека Георгия Перкамота. К. В. Базилевич называет его «Перканкот» и сообщает, что некоторые данные об этом посольстве находятся в миланском архиве.¹⁸ Джино Барбьери именует его «Джорджо Перкамота» и приводит интересные архивные материалы об этом посольстве.¹⁹

Следует уточнить фамилию посланца Ивана III, не только в связи с различным ее написанием, но и для выяснения личности этого дипломата. Е. Ф. Шмурло еще в начале нашего столетия обратился к решению этой загадки, однако весьма доказательное исследование Шмурло фактически осталось незамеченным. Фамилия «Перканкот» исходит из Пирлинга (*un grec du nom de Georges Percancotes*). Для проверки Шмурло обратился к документам миланского архива, в реестре (оригинал не сохранился) на оборотной стороне листа 213 документа № 165 коллекции дипломатических посланий (*Registro Missive*) он обнаружил следующее написание его фамилии — «Percaneotes» (Перканеот); первый слог (Per) появился в результате описки копииста, поставившего при перенесении фамилии с оригинала «П» вместо «Т» (латинское «Р» вместо «Т»). Таким образом, «Перканеот» — это не что иное, как «Терканеот» (латинское *Tercaneotes*), что соответствует Тарханиоту (или Траханиоту). В качестве дополнительного аргумента Е. Ф. Шмурло приводит сообщение Бантыш-Каменского о посылке в 1485 г. в Италию «ближнего государева человека Юрия». К рассуждениям Е. Ф. Шмурло следует добавить предположение о том, что если ошибочное написание первого слога фамилии Траханиота привело к путанице («Per» вместо «Ter»), то она была усилена в связи с неправильным прочтением, очевидно, неясно написанного третьего слога (ne), который Пирлинг читал как «пс» (отсюда *Percancotes* вместо *Percaneotes*). Почти бесспорно, что Юрий Тра-

¹⁷ G. Barbieri. Milano e Mosca..., pp. 34—42.

¹⁸ К. В. Базилевич. Внешняя политика..., стр. 82.

¹⁹ G. Barbieri. Milano e Mosca..., pp. 43—44, 90—95.

ханийот 1472 г. и Перканийот 1486 г. — одно и то же лицо, хотя в нашей литературе они до сих пор рассматриваются как разные лица: например, Базилевич говорит о Юрии Траханийоте, обращаясь к 1472 г., но о Георгии Перканийоте, описывая посольство 1486 г. В «Очерках истории СССР» Юрий Траханийот появляется в роли посла лишь в 1489 г.²⁰ Остается открытым вопрос о Юрии Греке 1468 г.²¹ Джино Барбьери сомневается в возможности утверждать, что Юрий Грек (*Giorgio il Greco*), посланный в 1468 г. в Рим русским правителем, и Юрий Траханийот — одно и то же лицо.²² Написание (в тексте итальянской записи о речи этого посла) его фамилии «Перкамота» не дает оснований к отказу от утверждения, что это Траханийот; скорее оно даже подтверждает это (*Georgio Percanioto*) естественным упрощением сложных для итальянского произношения имен и названий. Таким образом, Новгород в этом документе превращен в «Новоградия», Псков — в «Пасковиа» и т. п. Подобно этому и немецкое Вайблинген было превращено в свое время в «гибеллин», а Вельф — в «гвельф».

Таким образом, сфинкс с сомнительным наименованием «Перканкот» превратился в реальную и хорошо известную личность — грека Юрия Траханийота. В 1472 г. он присутствовал на торжественном приеме у Сикста IV в Риме, в 1486 г. представлял русского правителя в Италии, а в 1489 г. возглавлял посольство в Германию, к габсбургскому императору. Установление личности русского посла, посетившего Италию в 1486 г., дает представление о деятельности одного из наиболее образованных и интересных русских дипломатов иностранного происхождения. О его деятельности свидетельствует интереснейший документ, сохранившийся в Миланском архиве и опубликованный Джино Барбьери. Он возник при следующих обстоятельствах. Выехав из Москвы в октябре 1485 г. в качестве великокняжеского посла, с дарами и грамотой, Юрий Траханийот прибыл в Милан в июне следующего, 1486 г.

24 июня 1486 г. в письме к Ивану III миланский герцог Джан Галеаццо Мариа благодарил московского правителя за дары и ценную информацию о России, доставленную его послом. Эта информация, записанная представителями герцогской канцелярии со слов посла 28 июня 1486 г., носит название «Заметки, содержащие [рассказ] о делах и о правителе России».²³

Итальянские источники повествуют о том, как 30 июня 1486 г. Джан Галеаццо снабдил русского посла письмом к своему дяде

²⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. II. М., 1953, стр. 328.

²¹ К. В. Базилевич. Внешняя политика..., стр. 77.

²² G. Barbieri. Milano e Mosca..., pp. 46—47.

²³ Nota e continentia de le cose et signore de Russia. Archivio di Stato di Milano, Archivio Sforzesco, Registro Ducale, № 214, ff. 170t—172t; публикацию см.: G. Barbieri. Milano et Mosca..., pp. 90—95. Полный перевод сделан М. А. Гукоским в работе «Сообщение о России московского посла в Милан (1486)», в сб.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды ЛОИИ, вып. 5), 1962, стр. 652—655.

Асканио Сфорца, что облегчало Юрию Траханиоту ведение переговоров в Риме. Вскоре, 11 июля того же года, мы видим его в Венеции, где при содействии миланского посланника Шипионе Барбавара он ведет переговоры с венецианской Синьорией.²⁴ Джинно Барбарьери считает, что предметом переговоров в Риме, Милане и Венеции была турецкая опасность, в ослаблении которой были заинтересованы все договаривающиеся стороны.²⁵

Интересные детали содержатся в итальянских материалах о посольстве Данила Мамырева и Мануила Ангелова (Докса). В Милане послы были приняты с большим почетом: 9 декабря 1493 г., после завтрака, в Валле дель Тичино состоялась большая охота в честь русских послов с участием Лодовико Моро и Беатриче д'Эсте. Хранящаяся в Миланском архиве переписка первого секретаря миланской канцелярии Бартоломео Калько со своим сыном Агостино свидетельствует о том, что правитель Милана пытался всячески использовать приезд московских послов в целях укрепления своего политического престижа. В Венецию оба московских посла отправились в сопровождении славившегося своим тонким дипломатическим чутьем сенешала миланского двора Иеронимо Висмара, а в самой Венеции им всяческую поддержку оказывал миланский посол Таддео Вимеркати. Русские послы были приняты венецианской Синьорией и приглашены дожем на торжественную новогоднюю мессу в храм св. Марка. Здесь произошел известный эпизод: посол неаполитанского короля решил занять место впереди русских послов, они в знак протеста покинули храм, рассматривая действия неаполитанского посла как оскорбление, нанесенное русскому монарху.²⁶

Итальянские источники позволяют установить наличие систематических и достаточно широких культурно-дипломатических связей России и Италии в XV в.: в течение второй половины этого столетия в Италии побывало 11 русских посольств. Первая яркая страница истории этих связей относится к знаменательному для обеих стран периоду, который для России был эпохой рождения единого Русского государства, а для Италии — эпохой Возрождения.

²⁴ G. Barbieri. Milano et Mosca..., pp. 47—49.

²⁵ Там же, стр. 49.

²⁶ Там же, стр. 51—55. В итальянском написании московские послы именовались Даниэле Мамурево (Daniele Mamurevo) и Мануэле Докса (Manuele Doxa).